

РЕФЕРАТЫ

Николаев В.Г.

ДЖЕК М. БАРБАЛЕТ
ЭМОЦИЯ, СОЦИАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА:
МАКРОСОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД

BARBALET J. M. Emotion, Social Theory and Social Structure: A Macrosociological Approach. — Cambridge: Cambridge University Press, 1999. — 210 p.

Книга Джека М. Барбалета (Австралийский национальный университет) посвящена «социологии эмоций» — направлению, привлекающему в последнее время все больше внимания зарубежных социологов и мало известному у нас. Книга включает введение, семь глав и эпилог. Она весьма удобна для чтения, так как автор систематически предпосылает как книге в целом, так и отдельным ее главам подробное изложение того, о чем и в какой последовательности дальше будет идти речь, а также основные тезисы, которые он будет отстаивать.

Барбалет исходит из того, что социологическое объяснение социальной структуры, социального действия и социальных процессов, пренебрегающее эмоциями действующих лиц, не может быть адекватным. Эмоция — не просто еще один объект в ряду других социологических объектов. Она является столь же важной движущей силой индивидуального и коллективного поведения, как когнитивные состояния и рациональный расчет. Поэтому социология эмоций так или иначе имеет важные последствия для общей социологической теории и частных социологических теорий, объясняющих отдельные аспекты социальной структуры и социального действия; она призвана «расширить наше понимание социальной структуры и повысить компетентность нашей социальной теории» (Р. 7). Соответственно, автор ставит перед собой две основные задачи: исследовать под углом зрения эмоций ключевые аспекты социальной структуры (такие, как рациональность, классовая структура, социальное изменение и т. д.) и внести коррективы в социологическую теорию исходя из применения данного подхода к социальным явлениям (Р. 1). Помимо постановки основных задач, во введении устанавливаются некоторые ключевые принципы социологии эмоций, как их понимает автор. Во-первых, внимание должно быть сосредоточено не на «эмоции вообще», которая есть всего лишь абстрактная категория, а на конкретных эмоциях, обладающих «реальностью непосредственного переживания»; именно они играют важную роль в реальных социальных процессах. Автор не ставит перед собой задачи создания «общей теории эмоций», а видит смысл социологии эмоций на нынешнем этапе ее развития в анализе вклада конкретных эмоций в производство, воспроизводство и изменение тех или иных аспектов социальной структуры (образцы такого анализа предлагаются в главах 3–7). Во-вторых, необходимо вовлекать в сферу внимания весь спектр эмоций: не только патологические, но и нормальные; не только бросающиеся в глаза, но и фоновые; не только осознаваемые и вербально определяемые, но и уходящие от осознания и словесного выражения. В-третьих, на протяжении всей книги (кроме эпилога) Барбалет сосредоточивает внимание на макросоциологическом аспекте эмоций и их связи с социальными структурами; этот акцент связан с тем, что существующая социология эмоций сконцентрирована на «микросфере» социальной жизни и создает ошибочное впечатление, что категории эмоций не могут быть применены для анализа макросоциологических

проблем. Кроме того, такой акцент позволяет показать социологичность эмоций в противовес неверному взгляду, будто «с эмоциями можно работать только психологически» (Р. 6). В конечном счете, социология эмоций, по мнению автора, может внести важный вклад в «понимание связей между микро- и макро-областями» (Р. 4).

Первые две главы имеют общетеоретический характер.

В главе 1 «*Эмоция в социальной жизни и социальной теории*» (Р. 8–28) рассматриваются три основные темы: место эмоций в социальных процессах; место категорий эмоций («эмоции» вообще и конкретных эмоций) в истории социальной мысли; связь эмоций с культурой и социальной структурой. Автор начинает с констатации того, что эмоции имеют социальную природу и в силу этого не могут не интересовать социологию: с одной стороны, они «результаты социальных процессов», требующие социологического объяснения; с другой – «причины» социальных процессов, необходимые для «объяснения самих оснований социального поведения» (Р. 9–10). Несмотря на это, нынешняя социология «оставляет мало места для эмоции» (Р. 11). Исторически не всегда было так. Шотландские просветители XVIII в. (А. Смит, А. Фергюсон) уделяли много внимания эмоциям и чувствам как фактору социальных отношений. У многих социологов XIX – начала XX в. (А. Токвиль, Г. Лебон, Э. Дюркгейм, В. Парето, Ф. Тённис, Г. Зиммель, А. Смолл, У. Самнер, Л. Уорд, Э. Росс, Ч. Кули и др.) категории эмоций имеют очевидную объяснительную ценность. Однако с 30-х гг. XX в. началось «изгнание эмоции» из социологии и формирование «социологии без эмоций» (Р. 13). Важную роль в этом сыграла веберовская идея рационализации и, вообще, рецепция социологии Вебера как социологии, для которой «аффективное действие» и эмоция были «остаточной категорией» (при этом скрытый интерес Вебера к эмоциям был не замечен). Важное значение также имели: общепринятое противопоставление эмоции и разума; реакция на романтизм, отождествившая эмоцию с мифотворчеством; ослабление массовых движений и сопутствующий этому перенос интереса с массового поведения на безличные бюрократические организации. В теории Парсонса, подчеркивающей «аффективную нейтральность» современного социального развития, эмоция стала рассматриваться не просто как иррациональная, но как «досовременная», «нерелевантная для систем инструментального действия», «разрушительная для нормального социального функционирования» сила (Р. 16–18). В 30-е – 70-е гг. в социологии преобладал «почти исключительный акцент на когнитивных основаниях социального действия» (Р. 16), и эмоция не занимала в ней «прочного места». Однако даже в это время «табу на эмоцию... не было полным» (Р. 20): она «прокрадывалась в социологические объяснения» в работах Дж. Хоманса, Ч. Р. Миллса, Н. Смелсера, А. Гоулднера и др. Значимость эмоции в социальных процессах стала одной из важнейших тем в работах И. Гофмана и Р. Коллинза. В конце 70-х – начале 80-х гг. интерес к эмоциям в социологии резко возрос. Появилось много публикаций на эту тему. Главные среди них: «Социально-интеракционистская теория эмоции» Т. Кемпера (1978), «Управляемое сердце» А. Хохшильд (1983) и «О понимании эмоции» Н. Дензина (1984). Проявилось осознание того, что эмоция не «досадная помеха» для нормального протекания упорядоченного поведения, а важный его фактор (Р. 22). В последнее время возобладала конструктивистская трактовка эмоций как следствия культурных и когнитивных процессов. Она, по мнению автора, заслуживает «скептического отношения» как волюнтаристская и неправоммерно ограничивающая понимание эмоции ее когнитивным оформлением, которым можно осознанно управлять, в то время как значительная часть эмоций переживается «ниже порога сознания» (Р. 24). В конструктивистском подходе автор видит и более серьезный дефект: он оперирует «ярлыками» и в силу этого ограничивается описанием «эмоций, социально представленных в преобладающей культуре»; такое отождествление эмоций с их социальными репрезентациями неправоммерно (там же).

Опираясь на критику конструктивистского подхода к эмоциям, автор выдвигает ряд принципиальных теоретических и методологических положений.

1. Эмоции нельзя рассматривать как элементы культуры; они имеют не только культурные, но также биологические и (что важнее всего) социально-структурные основания. «Прежде всего, эмоции следует понимать в рамках структурных отношений власти и статуса, которые их порождают. Это делает эмоцию в такой же (если не в большей) степени социально-структурной вещью, в какой и культурной» (Р. 26).

2. «Людьми движут только конкретные эмоции», а «конкретные эмоциональные переживания возникают в конкретных отношениях». Поэтому эмоции надо рассматривать в контексте конкретных социальных отношений. Эмоции всегда существуют в единстве и взаимопереплетении; из этого клубка их выделяет только язык. Вычленять работу конкретных эмоций удобнее всего через их социальные источники и последствия (там же).

3. Связь социальной структуры, эмоций и действия концептуализируется следующим образом: «не культурные правила, а прежде всего структурные свойства взаимодействий определяют эмоциональные переживания... а конкретные эмоциональные переживания предрасполагают к определенным курсам действия». Таким образом, эмоция есть «необходимое связующее звено между социальной структурой и социальным актором», и без нее описание действия будет «фрагментарным и неполным» (Р. 27).

4. В социологии эмоций нужно «выйти за рамки доминирующей ныне социально-психологической ориентации» и сосредоточить силы на менее всего изученной «значимости эмоций в крупномасштабных или макроскопических социальных процессах, а также на роли эмоции... в мобилизации коллективных социальных акторов в исторических контекстах» (Р. 28).

Глава 2 «*Эмоция и рациональность*» (Р. 29–61) посвящена рассмотрению и переоценке связи между этими двумя понятиями. Барбалет рассматривает три подхода, по-разному трактующих эту связь.

Конвенциональный подход противопоставляет эмоцию и разум, ставит последний «в центр человеческого бытия», утверждает, «что рациональное действие подрывается эмоцией и что рациональность противостоит эмоции и подавляет ее» (Р. 38). Этот подход уходит корнями в новоевропейскую философию с ее разделением разума и тела, превознесением разумного поведения и трактовкой эмоции как неподконтрольной разуму разрушительной силы; согласно ему, лучшее, что можно сделать с чувством, — это его подавить. В качестве образца конвенционального подхода автор берет работу Вебера «Протестантская этика и дух капитализма», в которой культура и природа противопоставляются друг другу. Культура трактуется как более рациональная, чем природа, осознанный замысел рассматривается как источник рациональности действия, а чувства — как источник его иррациональности и даже «антирациональности». По мнению автора, «описание Вебером кальвинистской рациональности соответствует его собственному пониманию природы рационального действия» (Р. 36). При этом отмечается, что Вебер чувствовал слабость своих допущений (отсюда введение термина «установка» для описания эмоций, стоящих на службе кальвинистской рациональности); однако более прямолинейные умы не обращают внимания на противоречия, возникающие из такого противопоставления разума и эмоции.

В рамках критического подхода эмоция и разум не противопоставляются друг другу, а рассматриваются как разные способности, вносящие свою лепту в достижение общего результата (действия). В пользу критического подхода (в противовес конвенциональному) выдвигаются следующие аргументы: сведение рациональности к эффективным отношениям «средства-цели» «игнорирует возможность иррациональных предпочтений» (Р. 40); даже при осуществлении осознанного выбора «разум и рациональность требуют эмоционального руководства» (Р. 39); рациональность не решает всех проблем человеческого существования, и эмоции обеспечивают решение проблем, не решаемых ею. Критический подход не нов (основные его идеи можно найти у Д. Юма), однако сегодня он набирает силу на фоне осознания «неразумности рациональности» и массового отворачивания к некоторым последствиям рационализации (таким, как гонка вооружений, превознесение экономической

выгоды и т. п.). В отличие от конвенционального, критический подход подчеркивает, что эмоция разрушительна не для рациональности как таковой, а только для «узкотехнического разума».

Радикальный подход (к которому присоединяется автор) идет дальше и утверждает, что «эмоция играет центральную роль даже в техническом разуме» (Р. 45). Согласно этому подходу, эмоции и разум вообще не противостоят друг другу, а образуют единый континуум. Ключевые элементы этого подхода автор находит в очерке У. Джемса «Чувство рациональности» (1897). С точки зрения Джемса, интеллект и эмоция суть «разные названия аспектов одного и того же процесса», «интеллект, воля, вкус и страсть работают сообща», а интеллект в чистом виде, подсчитывающий и анализирующий, – «нелепая абстракция», «в действительности невозможная» (Р. 45). Джемс определяет рациональность в терминах «ожиданий», или «эмоциональных ориентаций на будущее»: человек действует в условиях неясности будущего, т. е. отсутствия данных о будущем, которыми он мог бы оперировать в рациональных расчетах; поэтому выбор курса действия может быть осуществлен только эмоционально, но никак не логически. Следовательно, эмоция выполняет в действии функцию преодоления неопределенности будущего; без нее действие было бы заблокировано (Р. 47–48). Аналогичные аргументы высказываются Н. Луманом относительно доверия: правильность действия, основанного на доверии, может быть проверена только после его совершения; значит, доверие не может быть основано на знании, оно «не рационально»; если в доверии и есть рациональность, то кроется она не в принятии решения, а в «эмоции, преодолевающей неопределенность будущего» (Р. 49). Лумановский анализ доверия, по мнению автора, иллюстрирует вклад «специфической эмоции» в «специфическую рациональность» и тем самым дает пример общей роли эмоций в установлении и поддержании рациональности.

При том, что конвенциональный подход выглядит на фоне критического и радикального плохо обоснованным, он остается преобладающим. Барбалет, опираясь на Зиммеля, пытается социологически объяснить это обстоятельство. Вытеснение эмоции из рационалистически ориентированного социологического дискурса связано с утверждением рыночного (городского, капиталистического) общества, насаждающего человеку инструментальную ориентацию и тем самым вытесняющего из его жизни эмоцию как чуждую такой рациональности силу. Этот процесс поддерживается возрастанием роли «извне заданных целей» в человеческом действии (Р. 54–56). Важное значение имеет отделение семьи от места работы: рациональность связывается с работой, а эмоции – с семьей; домашняя деятельность имеет невысокую рыночную ценность, и связываемые с ней эмоции также обесцениваются. «В условиях рыночной рациональности... любое действие, функционирующее в терминах целей или задач, внешних для рыночного обмена, является неинструментальным и иррациональным» (Р. 59). Именно доминирование рыночного инструментализма поддерживает живучесть конвенционального подхода. В подтверждение этого приводится тот факт, что в добуржуазной литературе (А. Смит, А. Фергюсон, А. Токвиль, Ф. Бэкон) эмоция концептуализировалась иначе и включала более широкий круг чувств; так, у Бэкона различие между разумом и эмоцией соответствовало не различию между рациональностью и иррациональностью, а различию между идеей и действием. Сужение понятия эмоции до «домашних эмоций», связанных с воспитанием, – современный, буржуазный феномен. Обратная сторона этого есть сужение понятия рациональности до рыночной рациональности. Эмоции, поддерживающие такую узко истолкованную инструментальную рациональность (верность целям, лояльность работодателю, радость достижения успеха, неудовлетворенность неудачей, доверие к партнерам, зависть к конкурентам, жадность) перестают распознаваться как эмоции, рассматриваются как «установки», «компоненты культуры» и т. п. (например, у Вебера). Тем не менее это полноценные эмоции, только фоновые и не замечаемые, и признание этого «делает особенно нелепой идею, будто разум и эмоция противоположны друг другу» (Р. 62).

В последующих главах внимание автора сосредоточено на конкретных эмоциях и их связи с соответствующими аспектами социальной структуры.

Глава 3 «*Класс и ресентимент*» (Р. 62–81) посвящена ресентименту и его значимости для образования классов и классовых процессов. На раннем этапе развития классового анализа «классовые чувства» принимались во внимание, но ныне редко принимаются в расчет: классовые системы объясняются неравным распределением материальных ресурсов и власти. Такой подход не отвечает на вопрос, «почему неравные условия не всегда производят ожидаемые классовые действия». Ответить на него можно, если учесть роль эмоций (в первую очередь ресентимента) в классовых процессах. Барбалет анализирует эту роль, опираясь на разработку понятия ресентимента в работах Ницше и Шелера и на применение этого понятия для анализа классового конфликта у Т. Маршалла. Ресентимент в разных группах (как в классах, так и внутри классов) возникает как реакция на несправедливые преимущества, получаемые другими группами. Особое внимание автор обращает на такую структурную основу ресентимента, как динамическое изменение относительного положения разных групп в ходе «цикла деловой активности» (Р. 73–76). Отмечается, что данная эмоция присуща как низшим, так и высшим классовым группам и что взаимная интенсификация эмоциональных реакций такого рода может вести к неуправляемой эскалации враждебности и открытому конфликту (Р. 72). Неравномерное распределение ресентимента в разных группах обуславливает «частичный и фазовый» характер классовой мобилизации (Р. 76). В этой главе автор также демонстрирует, что в разных социально-культурных контекстах формы проявления ресентимента, его сила, направленность и последствия могут быть различными (Р. 77–79).

В главе 4 «*Действие и уверенность*» (Р. 82–102) анализируется важность уверенности для действия и отстаивается тезис, что «действие и, следовательно, бездействие производны от степени, в которой акторы чувствуют уверенность в своей способности реализовать непознаваемое будущее» (Р. 94). Уверенность рассматривается именно как эмоция, и обосновывается это так: действие всегда происходит в условиях неопределенности будущего, которое невозможно знать; неизвестность будущего делает калькуляцию в отношении него невозможной, и такую калькуляцию заменяет уверенность; когнитивное измерение уверенности базируется на знании актором себя, а актер знает себя через эмоции (Р. 82). Стало быть, именно уверенность выполняет в действии функцию вовлечения будущего в настоящее; и это делает ее «главной эмоцией для праксиса» (Р. 83, 88). Уверенность существует в разных вариантах, таких, как уверенность в себе, доверие, вера и т. д. Анализируя социальную природу этой эмоции, Барбалет называет два ее источника: «конкретный опыт социальных взаимоотношений», в котором актер получает со стороны других «принятие и признание», и «тип и сумму ресурсов, к которым актер имеет доступ вследствие взаимоотношения, в котором его принимают» (Р. 86–88). Организующее значение уверенности для действия рассматривается подробнее на примере «деловой уверенности»; в этом разделе главы автор опирается в основном на работу Дж. М. Кейнса «Общая теория занятости, процента и денег» (1936), социологическая значимость которой, с его точки зрения, не была должным образом оценена (Р. 90–101).

В главе 5 «*Конформность и стыд*» (Р. 103–125) анализируется ключевое значение стыда для поддержания социальной конформности. В начале главы критически анализируются трактовки стыда у А. Смита, Ч. Дарвина и Т. Шеффа (Р. 104–115). Во всех них прослеживается идея, что стыд как «чувство человека относительно того, что о нем думают другие», имеет «социальный источник» в отношениях с другими и «социальные последствия», главное среди которых — изменение поведения в направлении соответствия правилам: «стыд приводит тех, кто его испытывает, в соответствие с социальными ожиданиями» (Р. 103). Автор особо выделяет вклад Шеффа в истолкование стыда (первичность стыда как механизма конформности, возможность переживания стыда ниже порога сознания и т. д.). При этом ставится вопрос: «Не решил ли Шефф проблему

понимания стыда в то время, когда она уже не имеет никакого значения?» (Р. 115). Многие (например, Р. Харре) полагают, что стыд в современном обществе отмирает, а на смену ему в качестве «основного инструмента конформности» приходит замешательство; этот факт связывается с процессом индивидуализации, возрастанием роли личной автономии, размыванием границы между манерами и моралью; некоторые считают, что замешательство как эмоция также отмирает (Р. 117). Автор предлагает альтернативный взгляд: «произошла трансформация социального контекста, в котором переживается стыд»; суть ее – фрагментация социального мира в городских средах и, соответственно, фрагментация Я; стыд вовсе не исчез, но фрагментированное Я не может переживать его в прежних формах, и поэтому сегодня стыд существует главным образом в незаметных его разновидностях (Р. 118–120). Далее автор останавливается на социальной основе стыда и предлагает свою типологию стыда, выделяя четыре его типа (ситуационный, нарциссический, агрессивный и почтительный), вносящие неодинаковый вклад в поддержание социальной конформности (Р. 120–125).

Глава 6 «*Права, ресентимент и мстительность*» (Р. 126–148) посвящена редко затрагиваемой в социологии теме «базовых прав» (прав человека), а также эмоциям, поддерживающим их действенность. Важнейшую роль в обеспечении притязаний на эти права, считает автор, играют ресентимент и мстительность — эмоциональные реакции, возникающие при посягательствах на базовые права и являющиеся социально санкционированными выражениями морального гнева. Эти эмоции действуют как на индивидуальном, так и на коллективном уровне. Автор уделяет внимание разграничению этих эмоций: мстительностью движет самоуважение, ресентиментом — уважение к внешним стандартам, нормам и ценностям; ресентимент включает в себе меньше личной вовлеченности; мстительность направлена против нарушителя, ресентимент — против самого нарушения; ресентимент больше сфокусирован на правах, мстительность — в большей степени на понесенном ущербе (Р. 136–139, 147). В этом свете автор пытается по-новому истолковать эксперименты Г. Гарфинкеля по нарушению фоновых ожиданий (см. журнал «Социологическое обозрение» №1, том 2, 2002г.): главный факт, выявляемый в этих экспериментах, с точки зрения автора, — это сила эмоциональных реакций против нарушения «базовых прав», а не когнитивные конструкции, охраняемые этими и другими эмоциями (Р. 140–145).

В главе 7 «*Страх и изменение*» (Р. 149–169) Барбалет рассматривает роль страха как коллективной эмоции в социальных нововведениях и изменениях (роль прежде всего позитивную). Разграничивая причину и объект страха, автор критикует обычное понимание страха как реакции на угрозу и переопределяет соотношение страха и угрозы: «мы не потому боимся, что нечто нам угрожает, а чувствуем угрозу, потому что боимся» (Р. 155). Рассматривая социальный страх, автор разрабатывает понятие «эмоциональных климатов» (Р. 157–161). Влияя на индивидуальное поведение, коллективные эмоциональные климаты могут быть и источниками коллективного действия. Как примеры «социальных климатов страха» берутся страх рабочих перед безработицей (Р. 160–161) и страх элит за свое положение (Р. 161–167). В обоих случаях социальными последствиями таких страхов могут быть серьезные организационные изменения в обществе.

В ходе анализа конкретного материала в главах 3–7 автор выдвигает ряд общих положений, развивающих принципы, изложенные во введении и первых двух главах. Многие из них заслуживают внимания, например:

1. Поскольку эмоция существует не просто «как внутреннее состояние индивидуальных лиц», а «во взаимоотношениях между индивидами и... между индивидами и их социальными ситуациями» (Р. 67), ситуацию, в которой она переживается, «можно концептуализировать как аспект самой эмоции» (Р. 80).

2. Ресурсы, знание и смысл — «недостаточные основания для действия»; в частности, «смысл возникает в действии и через действие, но не производит его»; чтобы действие

состоялось, нужна эмоция как «переживание готовности действовать». Эмоция выполняет в действии две функции: «обеспечивает оценку акторами их обстоятельств» и «готовность акторов действовать» исходя из этой оценки (Р. 66). Принятие этой точки зрения заставляет всерьез пересмотреть теорию действия в ее веберовской трактовке. Если «всякое действие основано в конечном счете на чувстве уверенности действующего в своих способностях и в эффективности этих способностей», то «аффективный базис» имеет не только «аффективное» действие, но и любой другой его тип; тогда противопоставление рационального и аффективного действия теряет смысл (Р. 90). В крайней форме тезис автора звучит так: «Социальное действие лучше всего понимать как эмоциональный процесс» (Р. 148).

3. В свете того, какое место эмоция занимает в организации действия, модель «рационального актора», широко применяемая в социальных науках, может быть «эмпирически ущербной» и «эвристически дезориентирующей» (Р. 101).

4. «Актеры движимы эмоциями в своих взаимодействиях с другими, и их эмоции заставляют оценивать и изменять курс собственного поведения во взаимоотношениях и ситуациях... Именно через свои эмоции актеры ангажируются другими, и именно через свои эмоции они изменяют свои отношения с ними» (Р. 133).

В «Эпilogе» (Р. 170–191) автор, уравнивая макросоциологический акцент книги, обсуждает некоторые микросоциологические аспекты социологии эмоций. В заключение он затрагивает такую важную проблему, как отношение социологии эмоций к социологической классике, и отмечает, что она «находит свои классические тексты в иных подходах, либо вообще в других «разделах библиотеки», нежели социология» (Р. 170). В число важных текстов входят, например, «Теория моральных чувств» А. Смита и «Воля к вере» У. Джемса, а также работы других авторов, обильно цитируемые автором.

Исключительно высокую оценку представляемой книге дал Р. Коллинз: «С работой Джека Барбалета социология эмоций делает большой шаг вперед, покидает задворки академической специализации и выходит на сцену общей социологической теории. Это первое полномасштабное рассмотрение того, насколько первостепенное значение имеют эмоции для самых серьезных наших тем: социального порядка и конформности, рациональности, человеческих прав, скрытых и явных конфликтов, связанных с социальным неравенством, процессов социального действия и структурного изменения... Если социальная теория последует по стопам книги Барбалета, она двинется в важном и принципиально новом направлении».